
V. ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

К.В. НИКИФОРОВ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ БАРОНА ВРАНГЕЛЯ

Abstract:

Nikiforov K.V. *The Last Will of Baron Wrangel*

The article tells about the last will of P.N. Wrangel who bequeathed that he should be buried in the Holy Trinity Russian Orthodox Church in Belgrade under the Russian colours. However the Serbian authorities stood up against it as the church was located at the abrogated cemetery. Anyway the will of the Baron was done but his grave was considered to temporary from the very beginning and his reburial, even in Russia, was conceded.

Ключевые слова: барон Врангель, последняя воля, перезахоронение, церковь Св. Троицы в Белграде.

В 2005 г. в некрополе Донского монастыря с государственными почестями произошло перезахоронение одного из руководителей Белого движения генерала А.И. Деникина. Через два года рядом с ним был погребен прах генерала В.О. Каппеля. Перезахоронение на родине видных деятелей Белого движения вызвало противоречивые отклики как в русском зарубежье, так и в России. Впрочем, в России остается противоречивым отношение и к самим этим деятелям. Так, несколько раз было отказано в посмертной реабилитации адмирала А.В. Колчака, и в то же время в 2008 г. был снят восхваляющий его художественный фильм «Адмираль».

Наиболее непримиримые «белые организации» зарубежья назвали подобные перезахоронения «кошунственным спектаклем». В Заявлении Российского обще-воинского союза говорилось, что «провалилась и идея чекистов перезахоронить в ЭрЭфии одновременно с ген. Деникиным прах Главнокомандующего Русской Армии Ген. шт. генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля. Здесь бывшие советские, а ныне “федеральные” чиновники получили отпор: потомки генерала Врангеля, в частности, его сын, барон Алексей

Петрович Врангель, своевременно выступили с протестом по поводу чекистских планов, справедливо отметив, что время перезахоронения Белых вождей еще не наступило, ибо преступления коммунизма в РФ так до сих пор юридически не осуждены»¹.

Тем не менее, вопрос о перезахоронении останков Врангеля в Донском монастыре Москвы периодически вновь всплывает на поверхность. С подобной инициативой 29 января 2007 г. выступил, например, С.С. Зуев, глава Фонда по увековечению памяти о жертвах политических репрессий. В связи с кончиной А.П. Врангеля ответ пришел от живущего в Нью-Йорке внука генерала, адвоката Петра Алексеевича Базилевского. В письме, в частности, говорилось, что «за последние два десятка лет произошли огромные перемены в сознании россиян относительно сущности “большевизма” и советской власти. Однако не произошло главного: осуждения этого зла на государственном уровне». Генерал Врангель «по собственной воле, изъявленной при жизни, похоронен в склепе русской церкви в Белграде. Там он покоится по сей день, а недалеко лежат тысячи сослуживцев, чинов его армии... Как в жизни, так и в смерти, он находится в строю, вместе со своими офицерами, солдатами, казаками. Взять сейчас его – одного – для перезахоронения в Москве, взять его из рядов преданных ему подчиненных (и преданных его памяти потомков их) можно только по очень уважительной причине. Будь он жив, вряд ли бы он сам согласился бросить свою армию для чести ехать в Москву один, зная, что там до сих пор почетное место рядом с Кремлем занимают Ленин и Сталин. ...с тяжелым сердцем сожалеем, что время для перезахоронения Врангеля на родине еще не наступило... преждевременное захоронение его лишь умалит значение подвига и жертв – как самого Врангеля, так и всех Белых воинов, отдавших жизнь на благо России»².

Как видим, острота дискуссий по-прежнему не спадает, несмотря на грядущий уже столетний юбилей октябрьского переворота в России. Это заставляет нас еще раз посмотреть на события, связанные с кончиной и захоронением последнего главнокомандующего Русской армии.

Как известно, барон Петр Николаевич Врангель скончался 25 апреля 1928 г. в Брюсселе. Смерть от скоротечного туберкулеза 49-летнего генерала, только недавно перебравшегося из Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевства Югославии) в Бельгию³, породила немало слухов об отравлении его советскими агентами.

Перед своей кончиной Врангель успел выразить «свою последнюю волю, чтобы прах его был погребен в Белградском русском православном храме, воздвигнутом на горсти русской земли, вывезенной из Крыма, под сенью русских боевых знамен»⁴. Вследствие такого пожелания тело скончавшегося генерала было набальзамировано и в свинцовом гробу временно, до отправки в Белград помещено во временном склепе на брюссельском кладбище Иксель. Через три месяца гроб был перевезен в бетонный постоянный склеп на кладбище Сент-Жюль⁵.

Выбор барона был понятен. Сербия на карте русского зарубежья занимала не самое главное, но особое место. Прежде всего Сербия знаменита тем, что стала пристанищем эвакуированной Русской армии во главе с самим главнокомандующим Врангелем и части иерархов Русской православной церкви, которые образовали затем Русскую православную церковь за границей. Центром и того, и другого стал небольшой провинциальный городок Сремски-Карловцы в сербской Воеводине⁶. Но большинство беженцев принял Белград. До постройки собственного храма в сербской столице для своих религиозных нужд беженцы использовали модельню, открытую в 1920 г. в помещении эмигрантской столовой в бывшей французской казарме на улице Краля Петра, а затем службы были перенесены в здание только что созданной 1-й русско-сербской гимназии⁷. Иногда использовались и сербские церкви, в частности, сербский храм Св. Александра Невского, построенный еще в 1876 г. на месте, где находилась небольшая русская военная церковь⁸.

Однако русские беженцы обязательно хотели иметь свой собственный храм. Причем, это не встречало понимания сербских иерархов, полагавших, что для религиозных нужд беженцев вполне подходят православные сербские храмы. Но для русских людей храм был нужен не только как место для молитв, но и как место для встреч, как маленький клочок земли, где бы и вдали от родины ощущался русский дух. «Первая и неотложная забота русских на чужбине... при любых условиях – это иметь свой духовный очаг, храм и хор»⁹.

Организатором отдельного русского прихода и строительства русской церкви был выходец из Ставрополя, настоятель храма в Новороссийске, протоиерей о. Петр Беловидов. С большим трудом он получил разрешение сербского патриарха Димитрия на перестройку покойнического барака, находившегося на бывшем старом городском кладбище в Ташмайданском парке, во временную переносную церковь. На эту постройку жертвовали не только рус-

ские. Так, премьер-министр Н. Пашич пожертвовал 40 тыс. динаров, его супруга подарила колокол, а два кирпичных завода выделили необходимое количество кирпича. Однако против подобной перестройки выступили священники находившейся рядом церкви Св. Марка, считавшие барак своей собственностью. Они обратились с жалобой к патриарху Димитрию, а тот послал об этом запрос иерарху русского священничества за границей, бывшему митрополиту Киевскому и Галицкому Антонию (А.П. Храповицкому).

Но пока шло разбирательство, строители ускорили работы и всего за 39 дней (по некоторым данным, даже без должного фундамента) воздвигли небольшую церковь по проекту военного инженера и архитектора В.В. Сташевского. Получилась скромная, но уютная каменная церковь шатрового типа с прекрасным иконостасом в древнерусском стиле, с одной из главных святынь верующей России – Курской-Коренной иконой Божией Матери «Знамение». Свято-Троицкий храм стал центром русского зарубежья в Королевстве СХС и кафедральным собором митрополита Антония¹⁰.

Первая служба в Русской церкви состоялась 4 января 1924 г. На следующий день патриарх Димитрий направил митрополиту Антонию грамоту, в которой несколько запоздало давал согласие на временную установку церковного колокола. Он особенно просил информировать русскую церковную общину о том, что «вместо этой часовни будет построена новая русская церковь в Белграде на другом месте, как это и было предусмотрено договором и нашим разрешением, данным в согласии с Вашим мнением»¹¹. Но и тогда священники из храма Св. Марка не смирились и продолжали оказывать сопротивление. «Лишь после того, как Н. Пашич прислал жандармов, колокол был подвешен без помех»¹².

И все-таки эта была не часовня, а настоящая церковь и даже небольшой храм. И в этом храме хранилось более 200 боевых знамен и штандартов многих русских гвардейских и старых царских полков, в том числе периода Отечественной войны 1812 г., обороны Севастополя и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Были здесь также знамена различных белогвардейских частей времен гражданской войны¹³. Именно под их сенью и хотел быть упокоенным главнокомандующий Русской армии.

Однако в выполнении последней воли генерала Врангеля, которой занимались глава Делегации по защите интересов русских беженцев в Королевстве СХС В.Н. Штрандтман и специально созданный Комитет по увековечению памяти главнокомандующего, возникли неожиданные трудности. Правительство Королев-

ства было «вполне расположено к перенесению праха генерала Врангеля в Белград», но оно отказывалось удовлетворить желание о погребении его в Русской церкви, поскольку она находилась на территории уже упраздненного кладбища, откуда еще год назад «были перенесены все без исключения покоившиеся останки». Правительство предлагало воздвигнуть гробницу генерала Врангеля на белградском Новом кладбище (Новом гробле. – *К.Н.*), где уже были «погребены генерал М.В. Алексеев, воеводы Путник и Мишич, Н.П. Пашич и другие местные выдающиеся государственные деятели»¹⁴.

12 мая 1928 г. в беседе с помощником Штрандтмана Н.С. Урсати сербский патриарх Димитрий обещал в случае переноса праха Врангеля в Сербию лично отслужить чин отпевания в Соборной церкви Белграда. По его словам, генерал Врангель – русский «великан» и «надо, чтобы все было обставлено соответственно; на старом кладбище хоронить нельзя, но он будет покоиться там, где ваши и наши “великаны”»¹⁵.

Сложившаяся ситуация сильно беспокоила вдову Врангеля баронессу Ольгу Михайловну. Она продолжала надеяться, что «все же удастся добиться разрешения на временное помещение праха главнокомандующего» в Русской церкви. Однако все было напрасно. В.Н. Штрандтману сообщали, что баронесса «положительно подавлена отказом Сербского правительства дать разрешение на погребение П.Н. в Русской церкви. Она совершенно справедливо заявляет, что покойный ее муж высказал определенное желание быть похороненным в Русской церкви в Белграде, но что он никогда не высказывал предпочтения быть похороненным в Сербии вообще»¹⁶.

Есть версия, что вдова Врангеля с самого начала хотела, чтобы его могила оставалась в Брюсселе, где ей было бы легче за ней ухаживать. Но и последнюю волю своего мужа она, конечно, не могла открыто оспаривать. И лишь когда возникли проблемы с местом погребения, она снова высказала свои предпочтения¹⁷.

В связи с позицией вдовы вопрос о похоронах Врангеля на Новом белградском кладбище, как того хотели югославские власти, отпал. Казалось, что вообще отменяются похороны в Белграде или где бы то ни было в Сербии. Представители русских беженцев особенно переживали из-за этого. Они считали, что «только при похоронах в Сербии» Врангелю могли быть отданы приличествующие главнокомандующему воинские почести¹⁸.

Комитет по увековечению памяти главнокомандующего 22 мая 1928 г. передал королевскому правительству специальное хо-

датайство, в котором говорилось, что «Врангель питал особо теплые чувства к братскому народу сербов, хорватов и словенцев, прожил на территории Королевства СХС пять лет». При жизни он был «почетным председателем Комитета по постройке Белградского русского храма и одним из щедрых жертвователей на него». Погребение Врангеля в Русской церкви, «как создателя храма... и как человека глубоко верующего – не противоречит каноническим правилам». Члены Комитета вновь просили «разрешить временное хранение гроба генерала Врангеля (в Русской церкви. – *К.Н.*), впредь до предстоящего отвода на Новом кладбище русского участка, на котором он будет похоронен до перевоза в Россию» (когда это станет возможным. – *К.Н.*)¹⁹.

Таким образом, просьба был сдвинута «в совершенно другую плоскость»: «не погребение в Русской церкви, а постановка гроба временно в Русской церкви (для чего мог бы быть оборудован склеп, если нет под церковью подвального помещения) с тем, чтобы при первой же возможности перенесения русских знамен в другую церковь или, если Бог даст, знамена вернутся в Россию, то и гроб будет перенесен в другое место»²⁰.

31 мая 1928 г. В.Н. Штрандтман докладывал о сути проблемы в Париж главе Совета бывших русских послов М.Н. Гирсу: «Старое белградское кладбище закрыто, а на нем находится наша Церковь и притом временно и не только на нем не разрешают новых похорон, но и прежние могилы переносятся на Новое кладбище». Из беседы в Министерстве иностранных дел Королевства СХС Штрандтман «вынес вполне ясное впечатление, что просить большего, чем временное помещение праха в Русской церкви до перенесения его на Новое кладбище, безнадежно»²¹.

Глава Делегации по защите интересов русских беженцев особенно подчеркивал, что не стоит рассчитывать на помощь сербского патриарха: «во-первых потому, что место Русской церкви вообще намечается к изъятию из церковного ведения, а во-вторых, – и тут значение Патриарха может быть только отрицательным, потому, что Его Святейшество никогда в Русской церкви не был, так как считает, что был обманут ее строителями, которым он разрешил (на словах) поправить и улучшить стоявший на том месте покойнический барак, отведенный нам под церковные службы, а отнюдь не воздвигать самостоятельный Храм, как это было сделано в действительности... до сих пор Его Святейшество считает себя обиженным и к Русской церкви относится более, чем сдержанно. Рассчитывать, следовательно, на то, чтобы он способствовал похоронам генерала Врангеля в этой церкви, нельзя»²².

Параллельно с вопросом о похоронах Врангеля русские беженцы пытались решить вопрос о выделении им участка на Новом кладбище в Белграде – «русской парцеллы». В 1929 г. старшая сестра существовавшего в эмиграции Мариинского церковного сестричества и председатель Общества попечительства духовных нужд княгиня М.А. Святополк-Мирская, знавшая короля Александра Карагеоргиевича еще по России, добилась от белградских властей выделения земли на действующем городском кладбище. Там она предполагала воздвигнуть новую часовню для отпевания усопших. В момент переговоров стало известно о разрушении Иверской часовни в Москве. Тогда и возникла мысль воссоздать ее в Белграде.

С просьбой собрать необходимые средства к эмигрантам обратился Главный совет Общества попечения о духовных нуждах под председательством А.И. Щербакова. В воззвании, в частности, говорилось: «Не стало молитвенной сени, куда в течение 3-х столетий люди всех положений и состояний, богатые и нищие, мудрецы и юродивые, простецы и вельможи, и сам Русский Царь – несли свои радости и горести, проливали слезы скорби и умиления». Однако была собрана лишь десятая часть необходимых денег. Княгиня Святополк-Мирская, придя за благословением на постройку часовни к митрополиту Антонию, посоветовала на это. Владыка ее благословил и успокоил: «Не беспокойся, соберут, русский человек дает на водку, но он дает и на Церковь»⁶. И владыка оказался прав – деньги вскоре собрали.

Вопрос о захоронении Врангеля также решился положительным образом, причем единственно возможным способом – решением самого короля Александра Карагеоргиевича. 18 июля 1929 г. военный министр генерал Хаджич вызвал к себе представителей Комитета по увековечению памяти П.Н. Врангеля и объявил, что «Его Величество разрешил похоронить главнокомандующего в Русской церкви». Однако он предупредил, что по новому городскому плану Русская церковь, как и сербская церковь Св. Марка, подлежит сносу; «впрочем, – добавил он, – срок этот настолько длинен, что успеют всех нас похоронить раньше, чем этот план будет приведен в исполнение»²³.

О перезахоронении праха Врангеля в Белграде осталось множество воспоминаний. Это неудивительно, поскольку столь знаменательное событие для жителей города и для осевших в стране русских беженцев не могло не осесть в памяти.

Поезд «Восточный экспресс» с телом Врангеля въехал в Сербию на станцию Суботица 4 октября 1929 г. На станции собралась огромная толпа тех, кто хотел бы отдать дань уважения русскому

главнокомандующему. 5 октября последние почести Врангелю отдали уже жители Нови-Сада. Затем через Сремски-Карловцы поезд отправился в Белград, куда прибыл на главный железнодорожный вокзал в восемь часов вечера и где его также ожидала огромная толпа²⁴.

Рано утром в воскресенье 6 октября 1929 г. гроб из затянутаго черным крепом вагона вынесли старшие русские начальники во главе с генералом А.П. Кутеповым. Отпевание в здании вокзала совершили настоятель Русской церкви протоиерей о. Петр Беловидов, русский архиепископ Феофан Курский, епископ Нишский Досифей²⁵, всего 40 священников. В службе принимал также участие знаменитый русский хор Е.П. Маслова. После этого гроб был установлен на лафет. До Русской церкви траурный маршрут пролегал от привокзальной площади (которая тогда называлась площадью Вильсона) по улицам Тетовской, Балканской, Кралици Наталии, Милоша Великого и Таковской. Впереди лафета с гробом шло русское духовенство – десять рядов по четыре священника в каждом. За русским духовенством двигалось сербское. За гробом казак вел белого командирского коня, несли множество венков, за венками – русские и иностранные ордена покойного. Далее следовала почетная стража и семья Врангеля. Шли воинские части – «конвой, казачья гвардия, артиллеристы, александрийцы, батальон 2-го сербского полка, батарея, генералитет, офицеры гарнизона и снова бесконечная черная лента делегаций». Процессия растянулась на несколько километров. Вдоль всей дороги стояли казаки с саблями наголо. Тротуары были запружены толпой, окна домов и балконы были полны любопытными²⁶.

Конечно, десять лет эмиграции оставили свой след. Русский свидетель схожих событий на белградских улицах так передал увиденную картину: «Славные формы наших боевых полков, поношенные черески лихих казаков; ордена, милые косынки боевых сестер и старенькие гимнастерки ветеранов с примятыми погонами. Разочарованные и подавленные изгнанники... недавние герои в потрепанных одеждах! Все они на мгновение как бы воскресли: души их наполнились национальной гордостью и глаза заблестали боевым огнем... Есть величие и в рубище! Есть слава и в поношенной, старенькой форме! Есть гордость и в измятых погонах!»²⁷.

На перезахоронении праха генерала Врангеля присутствовали представители 76 эмигрантских колоний из Сербии, Болгарии, Франции, Бельгии, Германии и Италии, десяти благотворительных организаций, семи научных групп, девяти культурно-просве-

ительских и четырех художественных союзов, а также всех полков и дивизий Русской армии в изгнании²⁸. Возле церкви Св. Троицы были выстроены воинские части и кадетский корпус с оркестрами. За церковную ограду внесли множество венков. В самой церкви в заупокойной литии принимали участие русские и сербские священники, которых возглавляли сербский патриарх Димитрий и митрополит Антоний. Гроб опустили в мраморную гробницу «на глазах тысяч людей», многие из которых не скрывали слез²⁹.

Мы видим, что семья генерала и его соратники не без труда, но выполнили все-таки последнюю волю П.Н. Врангеля. Главнокомандующий Русской армии упокоился «под сенью родных знамен, иссеченных в боях, избитых пулями»³⁰. Это, как можно было понять, и было самым главным. Но упокоился временно. Причем, допускалось даже перезахоронение в России. Конечно, возвращать прах генерала на родину сейчас, позже или не возвращать вовсе – дело родственников. Их аргументы понятны, кроме одного – рядом в Белграде покоятся «тысячи сослуживцев и чинов его армии». Это не совсем рядом, и этот фактор во время перезахоронения никак не учитывался. В то время «русская парцелла» на Новом гробле Белграда только-только обустроивалась. Она разрослась позже, затем пришла в сильное запустение, к 100-летию Первой мировой войны была отреставрирована, к сожалению, неудачно.

Говорят, что нет ничего более постоянного, чем временное. Русская церковь Св. Троицы стоит и поныне. Исчезла лишь соседняя сербская церковь Св. Марка, в которой были похоронены король Александр Обренович с супругой. Она оказалась поглощена одноименным величественным храмом, загородившим вид и на Русскую церковь. Но небольшой Свято-Троицкий храм на Ташмайдане пережил и годы Второй мировой войны, став после ее окончания подворьем Русской православной церкви, и месяцы налетов бомбардировок в 1999 г., когда он лишь немного пострадал после ракетного удара по зданию сербского телевидения. И поныне в этой церкви покоится мраморный склеп с прахом генерала П.Н. Врангеля. В социалистическое время его стыдливо прикрывали, чтобы не бросался в глаза, но сейчас место упокоения генерала освобождено от всяких драпировок.

И только русских боевых знамен в церкви больше нет. Они исчезли при не выясненных до конца обстоятельствах после освобождения Белграда Красной армией в 1944 г. Находились свидетели, которые утверждали, что видели в сторожке при Русской церкви в Белграде «мусорную кучу из остатков древков и лент от

знамен за боевую славу». Но полотнища знамен «были упакованы в пять ящиков... и снабжены описями». Представителями русской эмиграции они были вывезены сначала в Вену, затем в Дрезден. Далее их следы теряются. Возможно, они были найдены советскими войнами и даже, по некоторым данным, переправлены ими в один из ленинградских музеев³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Заявление Русского Обще-Воинского Союза по поводу перезахоронения чекистами праха генерала А.И. Деникина в Российской Федерации. Октябрь 2005 г. // <https://maxpark.com/community/1161/content/647776>.

² Ответ внука П.Н. Врангеля на предложение о перезахоронении праха генерала в РФ // Легитимист. Информационное агентство Российского императорского союза-ордена // <http://legitimist.ru/sight/history/2015/otvet-vnuka-vrangelya-na-predlozhenie-o-perezaxoronenii.html>.

³ Несмотря на короткий срок пребывания в Бельгии, Врангель успел подготовить там к печати свои воспоминания, названные им «Записки». См., например, одно из первых изданий в России: *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Часть I, II. М., 1992.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Миссия в Белграде. 1928–1930. Д. 114. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 1, 10.

⁶ Подробнее см.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005. С. 248–280.

⁷ *Глигориевич Б.* Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами // *Русская эмиграция в Югославии.* М., 1996. С. 111; *Косик В.* Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000. С. 63.

⁸ *Бурий О.* Руска литерарна Србија. 1920–1941. Београд, 1990. С. 23.

⁹ *Арсеньев А.Б.* Русские монастыри и приходы в Сербии // *Русские в Сербии.* Белград, 2009. С. 57.

¹⁰ *Маевский В.* Русские в Югославии. Нью-Йорк, 1966. С. 23–29; *Йованович М.* Указ. соч. С. 278.

¹¹ *Йованович М.* Указ. соч. С. 278.

¹² *Косик В.* Указ. соч. С. 65.

¹³ Белоэмиграција у Југославији. 1918–1941. Т. II. Београд, 2006. С. 134.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1928–1930. Д. 114. Л. 13–13об.

¹⁵ Там же. Л. 17.

¹⁶ Там же. Л. 19, 25.

¹⁷ *Кронер Э.* Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля. М., 2011. С. 431–432.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1928–1930. Д. 114. Л. 25 об.

¹⁹ Там же. Л. 26–27.

²⁰ Там же. Л. 28–28об.

²¹ Там же. Л. 31–31об.

²² Там же. Л. 32.

⁶ Цит. по *Косик В.* Указ. соч. С. 90–91.

²³ АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1928–1930. Д. 114. Л. 49–49об.

²⁴ *Кронер Э.* Указ. соч. С. 432.

²⁵ Будущий митрополит Загребский, канонизированный Сербской православной церковью как священномученик.

²⁶ АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1928–1930. Д. 114. Л. 76; *Кронер Э.* Указ. соч. С. 432–433; http://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/08/30/pamyati_generala_vrangelya_stranichka_vospominanij; <http://www.istmira.com/istpravomir/general-vrangel/934-general-vrangel-stranica-21.html>

²⁷ *Маевский В.* Указ. соч. С. 41–42.

²⁸ *Кронер Э.* Указ. соч. С. 432–433.

²⁹ *Маевский В.* Указ. соч. С. 27–28; http://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/08/30/pamyati_generala_vrangelya_stranichka_vospominanij.

³⁰ http://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/08/30/pamyati_generala_vrangelya_stranichka_vospominanij.

³¹ *Маевский В.* Указ. соч. С. 24–27.